

*Ю. С. Баскова, А. А. Разакова (Краснодар, Россия)
Краснодарский государственный институт культуры*

Речевой портрет Мартина Шарпа в романе Ника Хорнби «Долгое падение»

В статье рассматриваются особенности создания речевого портрета Мартина в романе Ника Хорнби «Долгое падение». Мартин Шарп – это мужчина средних лет, который в одночасье потерял все в своей жизни. Из некогда знаменитого и успешного телеведущего он превращается в изгоя, решившего в новогоднюю ночь совершить самоубийство, прыгнув с крыши небоскреба.

Ключевые слова: речевой портрет, речевая характеристика, речь персонажа, Ник Хорнби

Ник Хорнби – современный британский писатель, автор многих романов и книг нехудожественного содержания, посвященных спорту, музыке и прессе. Художественная проза Хорнби популярна во многих странах, а несколько его произведений были успешно экранизированы, включая роман «Долгое падение», написанный в 2006 году.

Главные персонажи романа – Мартин, Морин, Джей-Джей и Джесс – отчаявшиеся люди, которые собираются в новогоднюю ночь в Лондоне на крыше небоскреба Топперс-хаус, чтобы покончить с собой. У каждого из них свои причины для такого трагичного решения. Мартин был когда-то известным и богатым телеведущим, но попал в тюрьму за секс с 15-летней девушкой, разрушив таким образом и свою семью, и карьеру, потеряв уважение всей своей аудитории. Мать-одиночка Морин уже в течение 19 лет прикована к своему сыну-инвалиду, который не может двигаться и разговаривать. Джей-Джей, американец, волей судьбы оказавшийся в Лондоне, переживает распад своей рок-группы и крах отношений с девушкой. Юная Джесс, дочь министра образования Великобритании, решает покончить жизнь самоубийством, потому что ее бросил парень.

Безусловно, главная идея автора – донести до читателя мысль, что жизнь можно и нужно научиться ценить, ведь абсолютно каждый сценарий в жизни может привести нас к крайности. К крайности, у которой оказались и герои с абсолютно разной судьбой, трагичность и индивидуальность которой мы анализируем посредством изучения особенностей их речи.

Цель статьи – проанализировать речевой портрет Мартина Шарпа. В данном случае важно уделить особое внимание языковым средствам создания образа как на лексическом, так и на синтаксическом уровне. Они не только спо-

собствуют созданию индивидуальной языковой личности, но и несут в себе авторскую оценку персонажа. В. В. Виноградов писал: «Творчество писателя, его авторская личность, герои, темы, идеи и образы воплощены в его языке и только в нем и через него могут быть постигнуты» [1, с. 6].

Изучение языковой личности в отечественной лингвистике тесно связано с именем Ю. Н. Караулова. Под языковой личностью ученый понимает «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений, которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определённой языковой направленностью» [2, с. 3].

Мартин Шарп обладает богатым словарным запасом, так как имеет высшее образование, кроме того, его работа связана с умением говорить: в прошлом он был ведущим телепередачи. Его речь яркая и выразительная: с одной стороны, он умеет быть убедительным и впечатляющим, а с другой – может разговаривать жестко и резко, не случайно его фамилия в переводе с английского означает «острый» (*sharp*). Мартин – умный человек и может поставить себя на место другого, он эмпатичен и знает, как и с кем разговаривать.

Вся жизнь Мартина пошла под откос: его репутация испорчена, он отсидел в тюрьме, жена от него ушла, и с дочками он не видится. Мартин не видит смысла жить и считает, что он сам испортил свою жизнь. Негативные эмоции, разочарование и отчаяние выражаются и в его речи. В романе в его лексиконе присутствует множество разговорных и сленговых выражений со сниженной стилистической окраской, например:

1) “I am not a *bloody* idiot” [4, p. 3] (*bloody* – прил. брит. груб. ‘проклятый’).

Или “I don’t *bloody* know” [4, p. 19] (*bloody* – наречие, груб. ‘весьма, очень сильно, чертовски’). Следует отметить, что *bloody* – одно из наиболее частотных слов в речи Мартина).

2) “You’re *pissing* me *around*” [4, p. 16] (*piss around* – вульг. сленг. ‘морочить голову’).

3) “...when some *dippy* girl asks me to help find her ex-boyfriend at some party, I shrug and wander off with her?” [4, p. 43] (*dippy* – разг. сленг. ‘рехнувшийся, сумасшедший, тронутый’).

В то же время Мартину свойственно использовать и заковыристые научные термины, некоторые из которых неизвестны его новым знакомым: “I’d say there was a certain degree of *culpability* involved.” *Culpability* – это юридический термин, обозначающий виновность. Джесс иронизирует над богатым словарным запасом Мартина: “Just because you’ve swallowed a fucking dictionary, it doesn’t mean you’ve done nothing wrong” [4, p. 32] (в русском переводе А. Ю. Степанова это предложение звучит так: «Если ты знаешь до хрена умных слов, это еще не значит, что ты не сделал ничего плохого» [3, с. 49].

Мартин употребляет иностранные слова и идиомы – например, из французского языка, чем снова раздражает Джесс: “Ah, yes. «Thing». Le mot juste, as ever” [4, p. 121] (в переводе с французского языка “le mot juste” – ‘правильное слово, то самое слово’).

Таким образом, мы видим, что словарный запас Мартина разнообразен и включает не только разговорную лексику и сленг, но и научную терминологию и иностранные слова. Кроме того, в определенных ситуациях для Мартина приемлемо использовать обценную лексику, но нельзя сказать, что он злоупотребляет ругательствами. Его речь значительно отличается от речи Джесс, которая в силу своей эмоциональной нестабильности и бунтующего сознания употребляет нецензурные слова очень часто как своеобразное средство психологической защиты. Мартин прибегает к обценной лексике, когда он действительно злится. Так, будучи разгневанным на Морин, которая узнала его на крыше и помешала совершить самоубийство, он кричит ей: “...And before you ask, she’s a right bitch who will snort anything and fuck anybody” [4, p. 13]. Так эмоционально он отзывается о своей соведущей Пенни, которая была его любовницей. В этой фразе сразу два нецензурных слова (bitch, fuck) и сленг (snort – нарк. ‘втыкать, нюхать наркотик’).

Несмотря на этот нервный срыв, Мартин обычно хорошо подстраивается под человека, с которым говорит. Он знает, как изменить свою речь: с какими-то людьми он общается, используя грубые слова и не стесняясь в высказываниях, но с некоторыми не позволяет себе этого. Вот убедительный пример того, что для Мартина важен его собеседник: “If I’d known it was Maureen, if I’d known what Maureen was like, then I would have toned it down a bit, probably, but I didn’t; I think I might even have used the c-word, for which I’ve apologized” [4, p. 13].

“C-word” – это эвфемизм для оскорбительного слова cunt, и Мартин сожалеет о том, что использовал такую лексику по отношению к Морин, встретив ее впервые. В тот момент он не думал о вежливости, однако в дальнейшем он общается с Морин совершенно иначе. Если нецензурные слова и используются, то обязательно с извинениями: “It’s only because fuck all happens, sorry, Maureen, at the beginning of the year” [4, p. 120].

Здесь мы видим, что Мартину уже стыдно выражаться так перед Морин. К ней у него особое отношение, так как она сама по себе мягкая и чувствительная. Он знает, что ей неприятно слышать бранные слова, и относится к этому с уважением.

Для речи Мартина характерны также юмор, ирония и сарказм, что свидетельствует о его высоком интеллекте. Когда Джей-Джей использовал американский эвфемизм “The f – “ (в переводе: ‘На кой?’), Мартину пришлось объяснить Джесс, что это означает, и он сделал это довольно иронично:

“It’s an American abbreviation,” said Martin. “«The f–?» means «What the f–?» In America, they’re so busy that they don’t have time to say the «what»” [4, p. 20]

(в русском переводе: «Так говорят в Америке, – объяснил Мартин. – «На кой?» значит «На кой хр...? Они там, за океаном, все так спешат, что у них нет времени на то, чтобы договорить слово «хр...». [3, с. 34]).

Проанализировав речь Мартина, мы можем сделать вывод, что Ник Хорнби тщательно проработал этот образ, создал его разносторонним и глубоким. С одной стороны, речь Мартина изобилует сленговыми выражениями со сниженной стилистической окраской, но с другой стороны, он свободно владеет и сложными научными терминами, и иностранными словами, при необходимости использует обценную лексику, может также наполнить свои высказывания юмором и иронией. Мартина можно назвать интеллектуальным человеком, имеющим большой жизненный опыт. Его характер неоднозначен и многогранен, как и его речь. Он совершил ошибку в жизни, и сам осознает это. Его речевая манера отличается живостью и сближает его с читателями. Анализ речевого портрета Мартина помогает лучше понять индивидуальный характер героя и дает наглядное представление о мастерстве писателя.

Литература

1. Виноградов В. В. Избранные труды. Т. 5. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 263 с.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 2010.
3. Хорнби Н. Долгое падение. СПб.: Амфора, 2006.
4. Nick Hornby. A Long Way Down. Penguin Books, 2006.

УДК 811.133.1'373

*A. E. Buzheninov (Yekaterinburg, Russia)
Ural State University of Railway Transport*

Architectural metaphor in anatomical terminology in Russian and French

В статье представлены результаты сопоставительного анализа функционирования архитектурной метафоры в анатомической терминологии в русском и французском языках. В рамках концептуально-семантического анализа выявляются основные когнитивные модели метафорического терминообразования в исследуемых языках, базовые архитектурные понятия, на основе которых формируются анатомические термины-метафоры. Показывается, что терминологическая картина мира специалиста не только тесным образом связана со специальным архитектурным знанием, но и взаимодействует с обыденным знанием.

Ключевые слова: терминологическая метафора, концептуализация, анатомический дискурс, архитектурная метафора, термин, метафорическое терминообразование